

творчества. Эта свобода заключается в выборе композиции и ликов, образов святых, в выборе цвета и светового акцента в произведении. Благодаря этой свободе, икона приобретает не только земные черты, но и индивидуальность творца. Образ святого, казалось бы совсем зримый и, значит, земной, говорит о его причастности к божественному миру, об одухотворенности его существования.

Таким образом, икона, благодаря своей символической природе, становится своеобразным посредником между двумя планами бытия, между духовным и материальным мирами. Иконописные символы синтезируют в себе качества мира земного, и в то же время он доступен восприятию и пониманию человека. Черты небесного, духовного бытия — вот его содержание и высший, сверхбиологический смысл.

М. Н. Просекова
Тобольск

ЛЕСЛИ А. УАЙТ О СИМВОЛИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ КУЛЬТУРЫ

На момент написания Л. А. Уайтом “Концепции культуры” (1959) не существовало такого понятия — символический интеракционизм, ставшего существеннейшей и, пожалуй, характернейшей и универсальной чертой англо-американской антропологии в 90-х гг. Под символизированием Л. Уайт имеет в виду подведение значения под вещь или действие; или усвоение и понимание значений, таким способом выведенных. Символизация есть вид поведения, характерный только для человека.

Культурные процессы есть результат символической интеракции, взаимодействия между людьми. Действия, а тем более, взаимодействия людей, есть прежде всего этические действия, или экономические действия, или эротические действия, ибо они всегда рассматриваются в этическом, экономическом и так далее контекстах. Является ли китайская ваза научным инструментом, предметом искусства, статьей торговли, или представлена в виде закономерности? Китайская ваза становится предметом искусства, научным фактом, предметом купли-продажи, когда она рассматривается в соответствующем эстетическом, научном, коммерческом контекстах. Аналогичным образом и класс вещей и предметов, включенных или определяемых символизацией есть вещи и действия, определяемые символической деятельностью человека.

Так, при рассмотрении вещей и событий в отношении к человеческому организму на первый план выдвигается соматический контекст; при рассмотрении их в терминах их взаимоотношений с другими, подобными, вещами и явлениями, выступает на первый план экстрасоматический контекст. Когда вещи и явления, определяемые символизацией, рассматриваются и интерпретируются в терминах их отношения к человеческому организму, то есть в соматическом контексте, они могут в целом быть названы человеческим поведением, а наука, его изучающая — психологией. Когда они же рассматриваются и интерпретируются в экстрасоматическом контексте, то есть в терминах их взаимоотношений друг к другу прежде, чем к человеческому организму, можно назвать их культура, а науку, их изучающую — культурологией.

Таким образом, “культура есть класс вещей или событий, имеющих символическое значение” — такое определение выводит культурную антропологию из состояния неуловимых, неощутимых и онтологически нереальных абстракций и превращает ее в науку, имеющую дело с реальным, субстанциальным, наблюдаемым предметным материалом. Определение, предложенное Л. Уайтом, проводит водораздел между поведением, организмом, которому оно свойственно, культурой; между наукой психологией и наукой о культуре. Подчеркнем, что наука стремится иметь точный класс вещей, взятый как предмет исследования, а не “вещи в определенном контексте”.

Где же собственно находится сфера культуры? Ответ американской антропологии заключается в следующем: вещи и явления, которые вмещает культура, существуют во времени и пространстве, во-первых, внутри человеческого организма, т. е. в понятиях, суждениях, эмоциях, убеждениях и привычках; во-вторых, в процессах социального взаимодействия между человеческими существами — “интеракции”; в-третьих, внутри материальных объектов, точнее, в форме предметов, лежащих вне человеческого организма, но внутри частных социальных взаимодействий, его окружающих. Таким образом, символическая деятельность имеет три вида: создание идей и позиций; открытое поведение и действия; материальные предметы. Все они могут быть отнесены к культуре.

При этом каждый культурный элемент имеет два аспекта: субъективный и объективный. Может показаться, что каменные топоры “объективны”, а обряды, идеи и убеждения “субъективны”. Однако любой материальный предмет — топор — имеет и субъективный компонент: вне понятия и позиции он лишен значения. С другой стороны, понятия и позиции будут

лишены значения без явного выражения в поведении или речи, являющейся формой поведения. Каждый культурный элемент, каждая культурная черта, следовательно, имеют как субъективный, так и объективный аспекты.

Л. В. Яскевич
Орск

К. ЛОРЕНЦ О СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Основатель этологии, К. Лоренц, применяя метод сравнительного анализа поведения животных и человека, пришел к выводу о том, что во многих отношениях генофонд и культура аналогичны. Общим у генома и культуры является их адаптивный характер и то, что они выполняют одну и ту же функцию — аккумулярование и передачу информации следующим поколениям. Также для обоих характерно “полифилетическое” развитие. Различает же их то, что в культуре чаще, чем в филогении происходит конвергентное развитие. Все это позволило австрийскому этологу определить человека как “обезьяну с кумулятивной традицией”. Ценность этих аналогий, по мнению ученого, заключается в том, что они указывают на наличие или отсутствие выживательной ценности какой-либо формы поведения, а следовательно, помогают отличить здоровые формы поведения от патологических. Лоренц уверен, что именно этология даст нам подлинное понимание феномена культуры.

Но этолог не останавливается на аналогии, а приходит в итоге к признанию филогенетических основ всей человеческой культуры, подчеркивая, что в развитии самой традиции действуют филогенетически запрограммированные механизмы. Обнаружив универсальные формы социального поведения, присущие всем культурам всех времен, Лоренц сделал вывод об их врожденности, полагая, что эти формы не могли бы оставаться неизменными на протяжении такого длительного периода, если бы они были продуктом только традиции (См.: Lorenz K. *Behind the Mirror. A search for a natural history of human Knowledge.* Methuen and Coltd, 1977.).

Если К. Лоренц сделал эти выводы, сравнивая в основном агрессивное поведение животных и человека, то его многочисленные последователи значительно расширили круг исследования. Так, американские антропологи Л. Тайгер и Р. Фокс обнаружили инварианты в “политическом” и “экономическом”